

В последнее время я так часто пиrowала, что пресытилась изысканными яствами и ни на что не надеялась. Однако пир Дугу Шао оказался необычным. На стол подали всего четыре вида фруктов, но каждый поражал: на тарелке лежали двадцать пять вишен, уложенных пирамидкой — одна наверху, три под ней, затем пять, и так до девяти в основании. Каждую вишню аккуратно разрезали на шесть долек, и они раскрывались, словно цветы, с ядрышком в сердцевине. Другая тарелка — хрустящие зелёные персики, залитые мёдом и замороженные, как леденцы, тоже двадцать пять штук, сложенных пирамидкой. На третьей — кокос, у которого срезали верхушку и вставили внутрь стеклянную чашу, наполненную кокосовым соком. На солнце сок и стекло переливались, сверкая. Четвёртая тарелка — сливы, с виду обычные. Подумав, что и здесь должен быть секрет, я взяла одну, осмотрела — ничего. Надкусила — и поняла: косточки нет! Значит, сливы вскрывали. Взяв другую, я разглядела два тончайших следа от ножа. Разломив её, увидела внутри, в крошечном пространстве, вырезанных лошадок. Пересчитала — целых восемь.

Мои спутницы, заметив моё изумление, тоже принялись разламывать сливы — и их лица изменились. Даже Цуй Шуньдэ показала свою сливу сестре, что-то шепнув ей на ухо.

Цуй Мин-дэ поднесла сливу к губам, слегка надкусила, поморщилась и швырнула на тарелку: «Каким бы искусным ни был резчик, слива всё равно кислая. Несъедобно».

Дугу Шао рассмеялась: «Именно кислая и подходит к весеннему напитку». Она хлопнула в ладоши, и появились две служанки в высоких головных уборах, каждая с бутылкой вина и бокалом из нефрита.

Пока вино было в бутылках, его не разглядеть, но, налитое в бокалы, оно оказалось густого красного цвета — виноградным. Я тут же сказала: «Я не пью. Подайте мне чайный отвар или что-нибудь холодное».

Дугу Шао улыбнулась: «Как можно не пить в праздник?» — и стала уговаривать, а мои спутницы и кормилицы подхватили: «Весной немного вина не повредит». Я решила схитрить: взяла бокал, но пить не собиралась. Однако Дугу Шао, подняв свой бокал, произнесла тост за весну, и мне пришлось сделать маленький глоток. К счастью, вино оказалось сладким и не слишком крепким.

Мы все, девочки лет десяти, наслаждались сладким фруктовым вином. Лишь Цуй Мин-дэ бросила сливу в свой бокал, подняла его и стала разглядывать: плод плавал внутри, словно драгоценный камень, очень мило. Мне стало любопытно, я тоже бросила сливу в вино, отпила — на вкус сладость с лёгкой кислинкой, даже лучше, чем прежде. Я улыбнулась Цуй Мин-дэ: «Я никогда не видела, чтобы так пили. Это твоя выдумка?»

Цуй Мин-дэ, отпив, ответила: «Нет, не моя». Я ждала, что она назовёт имя, но она лишь подняла бокал, большим пальцем медленно повернула его, словно заворожённая красотой нефрита, и больше не произнесла ни слова.

Мы посидели на берегу, глядя, как по реке Ло снуют лодки и корабли. Те, кто узнавал нас, подплывали поздороваться. Желаящие пристать не могли — вокруг на ли-два бурное течение и крутые берега, — так что лишь кланялись издали. Подплывали в основном ко мне, Цуй Мин-дэ и Дугу Шао, но мы держались сдержанно, лишь слегка кивая знакомым. Цуй Мин-дэ вообще почти не улыбалась, а при виде старших лишь чуть наклонялась. Поскольку на берег им не подняться, общаться не приходилось — и я наконец поняла, зачем Дугу Шао выбрала это место. Спросила из любопытства: «Шилюнтян, ты хорошо знаешь округ Ло?»

Дугу Шао ещё не ответила, как Пэй Ланьшэн сказала: «А-Шао — потомок герцога Вэй из династии Суй, её семья издавна живёт в округе Ло».

Я не знала, кто такой герцог Вэй, но, увидев на лице Дугу Минь налёт гордости, поняла: род знатный. Из Суйских Дугу я знала лишь знаменитую императрицу — видимо, они были в родстве. Кивнула: «Понятно».

Дугу Шао вдруг усмехнулась: «Эрнян, ты же не знаешь, кто такой герцог Вэй, да?»

Пэй Ланьшэн дёрнула её за рукав, но Дугу Шао отстранилась и сказала: «Ланьшэн, ты вечно так. Наши предки — это наше дело, другим-то зачем помнить? Ты только выставляешь себя напоказ!»

Пэй Ланьшэн, редкий случай, скривилась и отступилась. Мне понравилась её прямота, и я улынулась: «Действительно, не знаю».

Дугу Шао объяснила: «Мой предок, герцог Жуань, женился на девушке из клана Цуй, и их дочь стала императрицей Вэньсянь. Моя семья — старшая ветвь рода, мы всегда жили в поместье в округе Ло. Отец переехал в столицу, лишь когда получил должность. Императрицу Вэньсянь ты, конечно, знаешь?»

Я кивнула: «Теперь понимаю. Прости мое невежество».

Дугу Шао сказала: «Даже мы, члены семьи, не всегда помним все родственные связи, что уж о других говорить». Произнося последние слова, она почему-то скользнула взглядом по Цуй Мин-дэ. Та, опустошив бокал, медленно поднялась: «Погода прекрасная, жаль, что нет лодки, чтобы проплыть по реке и полюбоваться берегами».

Дугу Шао улыбнулась: «Лодка есть, но я боялась, что вам будет холодно. Да и на реке сейчаслюдно, суета утомительна. Как думаешь, Эрнян?»

Я на мгновение задумалась, но, видя, что здесь уже всё осмотрено, сказала: «Хорошо». Дугу Шао повела нас верхом к поместью. Слуги встретили нас у ворот, провели через обширный сад с извилистыми ручьями и павильонами к пристани. Там стояло пять-шесть лодок, на одной из которых гребцы и музыканты были уже наготове.

Слуги рода Дугу без лишних слов устроили моих телохранителей на соседних судах, где тоже накрыли столы, но без вина. Старший офицер вопросительно взглянул на меня. Я сказала: «Вы весь день трудились, отдохните». Он велел солдатам нести вахту по очереди, а сам остался с восемью гвардейцами, что постоянно при мне.

Мы взошли на лодку. После стольких развлечений я проголодалась. Не успела я заговорить, как служанки Дугу Шао уже начали подавать угощение. На этот раз пиршество было обычным:

Сначала четыре вида сухофруктов: личи, гинкго, торрея и фундук. Затем четыре вида засахаренных резных фигурок: сливовые шарики, бамбуковые побеги, кумкваты и имбирь. Потом четыре солёно-кислых блюда: сушёные сливы с периллой, засоленные цветы хризантемы, виноград и цветы солодки. Основных блюд было восемь: рулеты из бараньего языка, суп из перепёлок, рулеты из утиных лапок, жареные утиные желудки «уточек-неразлучниц», салат из акулы, суп из акульих плавников, тарелка с пятью видами мяса (баранина, свинина, говядина, медвежатина, оленина), жареные бараньи рёбрышки, весенние лепешки и свежие овощи. Закуска к вину: улитки в имбирном уксусе, тушёные устрицы, свежие гребешки и крабовые рулеты. Также были вяленое мясо, курица, утка, паровой хлебец,

лапша в бульоне, гулоуцзы, кунжутная каша, миндальный сироп и холодная каша с лягушками.

Я, хоть и голодная, не нашла ничего по вкусу и лишь отпила несколько глотков каши. Услышав шум снаружи, вышла на нос лодки посмотреть. В день Личунь на берега реки Ло высыпали все — от знати до простолюдинов. Вода кишела судами. На убогих лодках нос и корму были забиты народом, стоял сплошной гомон. На более изысканных слышались декламация стихов и философские споры, пассажиры жестикулировали, увлечённые беседой. А на таких богатых судах, как наше, издалека доносилась музыка, а вблизи виднелись либо танцовщицы, либо актёры. Когда две лодки сближались, их пассажиры выходили на палубу и через воду обменивались приветствиями.

<http://bllate.org/book/16278/1466147>